

УДК [94+277.4+279.13](470.44)18/19]

Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии)

С. М. Руфин

Руфин Сергей Михайлович, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Поволжский кооперативный институт, Энгельс, Саратовская область, vmf-86@mail.ru

В статье рассматривается проблема свободы вероисповедания последователей религиозных сект баптистов, штундистов и адвентистов. Акцентируется внимание на анализе правового положения данных религиозных течений по законодательству Российской империи кон. XIX – нач. XX в. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на легализацию религиозных организаций протестантского направления, последователи этих сект продолжали ограничиваться в правах. Особенно сильно они притеснялись представителями властей в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: свобода вероисповедания, законодательство, сектантство, баптизм, адвентизм, штундисты.

The Question of the Legal Status of Religious Sects of Baptists and Adventists in of the Russian Empire at the End of the 19th Century – the Begining of the 20th Century (Based on Saratov's Province Sources)

S. M. Rufin

Sergey M. Rufin, <https://orcid.org/0000-0002-9508-3923>, Volga Co-operative Institute, 24 Krasnoarmeyskaya Str., Engels, Saratov Region 410012, Russia, vmf-86@mail.ru

The article discusses the problem of religious freedom, followers of religious sects of Baptists, and Adventists Stundists in the legislation of the Russian Empire at the end of the 19th century - the early 20th century. The article focuses on the analysis of the legal provisions of these religious movements. The author comes to the conclusion that despite the legalization of religious organizations of Protestant direction, the followers of these sects continued to limit rights. They were extremely oppressed by the government during the World War I.

Keywords: freedom of religion, legislation, baptism, Adventism, Stundists (Stundists).

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-104-108>

Баптизм представлял собой религиозное течение протестантского христианства и был одним из многочисленных религиозных направлений, существовавших в Российской империи. 27 марта 1879 г. Государственный совет утвердил Временные правила, в соответствии с которыми должны были вестись метрические записи баптистов. Этот законодательный акт можно считать документом признания баптизма в Российской империи, который основательно облегчил деятельность баптистских общин, так как они получили официальный статус. С этого момента баптисты имели право собираться на богослужения в специально отведенных для этого

домах, если это было согласовано с губернатором. Они могли без ограничений свидетельствовать о своей вере, выполнять ритуальные действия по своим традициям, выбирать своих духовных представителей и вести метрические записи¹.

В соответствии с правилами, изданными 15 августа 1879 г. министром внутренних дел Л. С. Маковым, метрические книги баптистов должны были вестись для губернских городов и уездов – губернскими правлениями, для Санкт-Петербургского и других градоначальств – управлениями градоначальников и для Москвы – управлением обер-полицмейстера. 18 ноября того же года правила эти были утверждены указом Правительствующего Сената. По мнению И. В. Амбарцумова, такое установление объяснялось тем, что баптизм рассматривался правительством не как полноправное исповедание, а скорее как секта. Однако поскольку он был сектой, выделившейся не из православия, а из протестантизма, то считался менее опасным, чем русские сектантские течения. Давая баптистам свободу веры, российские власти не желали узаконивать их обряды наравне с обрядами прочих христианских исповеданий.

В 1882 г. вышло разъяснение Министерства внутренних дел, гласившее, что «закон 1879 года относится 1) к баптистам иностранно-подданным, проживающим в России, 2) к тем, которые перешли в русское подданство, будучи баптистами, и 3) к русско-подданным баптистам, обратившимся в эту секту из неправославного исповедания; но на русских сектантов-баптистов не распространяется»².

4 июля 1894 г. был издан закон, относивший последователей штундизма, который был разновидностью баптизма, к более вредной секте и воспрещал молитвенные собрания. «Дети штундистов должны быть отчуждаемы от родителей и отданы на попечение родственников, принадлежащих православной церкви; а если это невозможно, то они должны быть переданы на попечение местного духовенства»³.

С этого времени штундистам запрещалось проводить службы и открывать школы. Паспорта и удостоверения личности штундистов должны были иметь отметку об их принадлежности к этой секте. Любой работодатель, принявший на работу штундиста, подвергался штрафу. Имена членов этой секты должны были быть переданы министру путей сообщения, который вывешивал списки в железнодорожных конторах для того, чтобы они не могли устроиться там на работу.

Наряду с этим штундистам запрещалось нанимать на работу православных. Подобное нарушение наказывалось ссылкой на Кавказ на срок до пяти лет. Штундистам запрещалось покупать или брать в аренду землю. Любой штундист, уличенный в чтении Библии или в молитве вместе с другими, должен быть арестован и немедленно выслан в Сибирь в административном порядке, т.е. без суда, а все проповедники должны быть приговорены к исправительным работам на рудниках в Сибири. Проповедники и авторы религиозных работ приговаривались к 8–16-месячному заключению, а за повторное нарушение предусматривалось наказание в виде заключения в крепости на срок от 32 до 48 месяцев, а за третье нарушение они подлежали ссылке.

В разъяснении также уточнялось, что штундистов следует хоронить в стороне от освященной земли, для них запрещалось проводить заупокойную службу. Всем сектантам запрещалось покидать места постоянного жительства. Кроме того, они признавались юридически недееспособными в ведении финансовых и торговых дел.

Правда, на практике правоохранительным органам не всегда удавалось отличить последователей секты штунда. Известны примеры, когда штундисты называли себя баптистами и пользовались льготами, установленными законом 1879 г. Так, в сообщении МВД саратовскому губернатору от 17 мая 1900 г. было отмечено, что законом от 27 марта 1879 г. секта баптистов была легализована, им разрешали свободно отправлять свои требы и иметь пресвитеров. По точному смыслу закона имелись в виду немецкие баптисты, и согласно ст. 82 Устава предупреждения преступлений под его действие попадали лица, на законном основании принадлежавшие к данной секте.

В министерстве внутренних дел имелись сведения о том, что последователи русской секты штунды с целью воспользоваться льготами, установленными в данном законе, стали называть себя баптистами. В особенности данное стремление проявилось после издания в 1894 г. закона о признании секты штунды более вредной. Были зафиксированы случаи, когда штундисты при привлечении их к уголовной ответственности за устройство запрещенных собраний отрицали свою принадлежность к секте штундистов, именуя себя баптистами. В качестве доказательств они предоставляли выданные из местных управ, волостных правлений и полицейских управлений документы, в которых в графе «вероисповедание» произвольно обозначалось «баптист».

Подобными документами штундисты нередко вводили в заблуждение суды и избегали юридической ответственности. Принимая во внимание, что баптизм как особое вероучение был признан законом от 27 марта 1879 г. сектой евангелическо-лютеранской церкви и русских баптистов не может быть с точки зрения закона, МВД просило губернатора сделать распоряжение, чтобы указанные учреждения при выдаче документов лицам русского про-

исхождения, если они называли себя баптистами, не ограничиваться голословными утверждениями, а требовать согласно ст. 6 Положения о видах на жительство 1895 г. предъявления надлежащих доказательств принадлежности к баптизму⁴.

17 октября 1906 г. вышел Именной Высочайший указ, который устанавливал порядок образования общин «раскольников и сектантов» и определял их права и обязанности. Согласно данному закону баптисты могли свободно исповедовать свою веру и выполнять свои обряды. Для сооружения молитвенных домов им нужно было получить разрешение губернатора или градоначальника. Для того чтобы основать общину, баптистам нужно было подать заявление в губернское управление с подписями не менее 50 основателей старше 25 лет. Эти заявления должны были рассматриваться в течение месяца. Деятельность общин могла распространяться на несколько губерний: такое разрешение должно было предоставляться губернаторами данных территорий. Зарегистрированным общинам предоставлялось право выбирать наставников, открывать свои учебные заведения и заниматься благотворительностью, издавать богослужебную литературу и приобретать имущество в собственность. Кроме того, общинам предоставлялось право ведения метрических записей.

Еще одним важным последствием новых законов о веротерпимости, а особенно Высочайшего указа от 17 апреля 1905 г., стало разрешение свободного перехода из одного христианского исповедания в другое. Помимо указа были изданы циркуляр Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД от 18 августа 1905 г. за № 4628 и отзыв этого ведомства от 24 мая 1906 г. за № 2817, в которых был подробно расписан порядок перехода в другое исповедание⁵. Согласно новым правилам местная власть не имела права разрешать или запрещать переход в другое вероисповедание, а только регистрировать переход. Причем, по мнению Г. Павлюка, «действовала примерно следующая процедура:

- 1) желающий подавал заявление местному губернатору (непосредственно или через уездную власть);
- 2) губернатор уведомлял православное епархиальное начальство в течение месячного срока;
- 3) инославное духовное начальство извещало губернатора о совершившемся присоединении⁶.

Однако данный закон не удовлетворял все требования баптистов. По мнению представителя баптистов В. Павлова, недостатки закона «О старообрядческих и сектантских общинах» заключались в том, что он давал «слишком много власти усмотрению администрации». В ходе съезда баптистов, который проходил в январе – феврале 1907 г. в Петербурге, были внесены предложения изменить следующие пункты закона:

- «1) Желательно, чтобы метрические книги велись не наставниками, а особо избранными для этого старостами;

2) Чтобы община могла приобретать недвижимое имущество на неограниченную сумму, не испрашивая на то Высочайшее соизволение;

3) Чтобы для образования общины не требовалось подписи для заявления не менее 50 лиц, а лишь не менее 25 лиц обоего пола;

4) Чтобы в случае приостановления действий общины губернатором, постановление его можно было обжаловать окружному суду;

5) Чтобы наставники не утверждались губернатором, а лишь доводилось до его сведения и их избрании;

6) Чтобы нравственная оценка качеств, требуемых к занятию должностей наставника, была представлена самой общине»⁷.

Когда в соответствии с законами 1905–1906 гг. православные получили возможность легально переходить в другие христианские вероисповедания и секты, возникла проблема: следует ли применять к новообразованным общинам баптистов, составленным преимущественно из бывших православных, закон 27 марта 1879 г. или относительно них должны вступить в силу нормы указа 17 октября 1906 г. Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, разрешая данную ситуацию, разъяснил, что «вопрос о порядке ведения метрических книг баптистов находится в зависимости от того, образовалось ли данное общество баптистов на почве православия или протестантизма. Для сектантов, и в том числе для баптистов, отделившихся от православия, порядок ведения метрических книг подчиняется действию Высочайшего указа 17 октября 1906 г., на основании коего ведение означенных книг для сектантов, объединенных в общины и имеющих наставников, законным порядком утвержденных, возлагается на последних. Под именем же баптистов, упоминаемых в статьях 1106–1108 Уставов Иностранных Исповеданий следует понимать сектантов, отделившихся от инославных исповеданий, которым хотя и предоставлена свобода вероучения, но указаний в законе о разрешении им образовывать религиозные общины не имеется, метрические книги этой категории баптистов должны вестись местными гражданскими властями»⁸.

В начале XX в. правительством было признано и другое протестантское течение – адвентизм. В циркуляре от 14 марта 1906 г. разъяснялось, что адвентистам разрешается беспрепятственно исповедовать свое вероучение, совершать обряды, но перед публичными служениями каждый раз уведомлять губернатора. Губернатор должен был утверждать кандидатуры «наставников и проповедников». «В этом документе, подписанном П. А. Столыпиным, – отмечает В.А. Русанов, – положение адвентистов приравнивалось к баптистам, и им разрешались все виды деятельности последних. Данный документ стал первым официальным актом, легализующим деятельность адвентистов в России»⁹.

Известны случаи, когда права сектантов нарушались местными органами полиции в силу

неправильного применения соответствующих законодательных актов. Это видно на следующем примере. 14 декабря 1910 г. балашовскому уездному исправнику поступило сообщение из губернского правления о жалобе баптистов г. Балашова на закрытие полицией молитвенных собраний в селении Малиновке и в селах Котоврасе и Выселки и требующих регистрации. Балашовский исправник донес, что согласно правилам, приложенным к Циркуляру министра внутренних дел от 4 октября 1910 г., им было сделано распоряжение приставам, чтобы они потребовали от сектантских общин заявлений. При этом, чтобы они не делали препятствий молитвенным и богослужебным собраниям и тем общинам, в которых эти собрания уже проходили. Из донесения пристава 5-го стана видно, что урядник 38-го участка Щербинин неправильно истолковал распоряжение пристава, обязав сектантов подписками, чтобы они не проводили собраний без особого разрешения¹⁰.

Несмотря на легализацию данного религиозного течения, баптисты нередко ограничивались в своих правах, что было вызвано опасением со стороны властей усиления влияния идей баптизма на православное население. Так, несмотря на разрешение открывать свои учебные заведения, установленное в законе 1906 г., известны ситуации, когда административные органы запрещали их образовательную деятельность. Так, например, 6 декабря 1911 г. саратовскому губернатору поступило сообщение о том, что балашовская община евангельских христиан баптистов подала ходатайство в МВД о разрешении устройства воскресных детских собраний, согласно утвержденным министерством правилам для воскресных детских собраний при Санкт-Петербургской общине евангельских христиан¹¹.

По данному вопросу губернатору поступило сообщение Департамента духовных дел МВД о том, что, по мнению большинства губернаторов, данные организации представляют собой большую опасность для православной церкви как «рассадники» идей сектантства среди православных детей школьного возраста, привлекаемых на данные собрания. Принимая во внимание невозможность установления наблюдения, губернаторы посчитали их недопустимыми¹².

По мнению саратовского губернатора, легализованные детские собрания баптистов формально не нарушали соответствующих правил. Однако косвенные наблюдения местных приходских священников давали основание предполагать, что сектанты, пользуясь невозможностью организации надзора за деятельностью данных собраний, допускают на них и детей православных. Общая формулировка правил для собраний ставила их в привилегированное положение. Особенно это проявлялось в том, что детские собрания хотя и назывались молитвенными, но по существу являлись школами, формировавшими воззрения детей. Правила об организации детских собраний определяли, что «цель детских собра-

ний – религиозное воспитание детей в духе учения евангельских христиан баптистов»¹³.

По мнению саратовского духовенства, «государственная школа не пользуется свободой преподавания истины веры. Священник ведет занятия по строго определенной программе, баптисты могут свободно внушать детям даже то, что не соответствует целям правительственной власти. Представитель полиции, присутствующий на собрании, не может знать в лицо всех детей-баптистов, часто трудно установить их в ходе расспросов, так как на собрание допускаются дети от пяти до шестнадцати лет, и часто ребенок пяти-восьми лет не понимает разницы между словами «баптист» и «православный»»¹⁴.

Отношение духовенства к данным религиозным организациям продолжало оставаться отрицательным и после их легализации. Так, 31 марта 1911 г. директор Департамента духовных дел в письме сообщал саратовскому губернатору, что «быстрое развитие русского сектантства побудило Департамент Духовных дел приступить к всестороннему обследованию сектантских движений, в целях принятия соответствующих мер к охране законных прав и интересов Православной церкви»¹⁵. Ознакомление с русским сектантством вызывало интерес у представителей местной гражданской власти, в особенности в тех местностях, в которых существовало и развивалось сектантское движение.

К данному письму Департамента была приложена записка о состоянии русского баптизма. «Баптистское движение, перенесенное с запада, принесло с собой и такие приемы и формы для выражения своей жизнедеятельности, которые выросли на почве рационализма и в условиях западноевропейской свободы совести, имеют в виду не столько удовлетворение молитвенно-религиозных потребностей членов баптистской секты, сколько евангелизацию русского православного населения в баптистском духе. Все проявления баптизма нередко не считаются с господствующим положением Православия и в целях своевременного введения сектантских жизнепроявлений в рамки закономерной деятельности»¹⁶.

По мнению директора Департамента духовных дел, общие баптистские организации (союз русских баптистов, правление этого союза, миссионерское общество баптистов, всероссийский союз кружков баптистской молодежи) не признаются российским законодательством в качестве публично-правовых союзов, так как по действующему закону все сектантские общины считаются «простым агрегатом общин, необъединенных каким-либо административным центральным органом»¹⁷. Однако это обстоятельство не освобождало местные власти от надзора за деятельностью данных организаций и принятия мер по пресечению их незаконных действий. Деятельность разъездных проповедников баптизма, членов юношеских кружков, учителей воскресных школ должна быть предметом надзора со стороны местной гражданской власти, и в случае соращения

православных виновные должны быть привлечены к ответственности по ст. 90 Уголовного Уложения»¹⁸.

Властями поднимался также вопрос о смешанных браках православных с баптистами. Многие представители этой секты нарушали нормы семейного законодательства, по которому такие браки признавались законными только в случае, если они были совершены по обрядам Православной церкви. В случае совершения таких браков баптистскими наставниками они признавались недействительными. Закон воспрещал баптистским наставникам венчать лиц православного вероисповедания, не достигших возраста, установленного для перехода в сектантство. В качестве выхода из такого положения пресвитер Астраханской общины Таврической губернии Балахин предлагал такие браки записывать в особые частные тетради и впоследствии «по достижению данными лицами соответствующего возраста вписывать их браки в метрические книги, что незаконно, и эти браки должны считаться недействительными, а метрические записи, составленные впоследствии, а не в момент совершения брака, считались подложными»¹⁹.

В письме от 28 октября 1909 г. губернатору Саратовский епископ Гермоген так охарактеризовал учение адвентистов: «Учение адвентистов болезненно-мистическое, крайне вредное в общественном отношении и опасное для православного населения. В их учении есть космополитический характер. Так, Отечества для адвентистов нет, есть только братья, живущие в Западной Европе, в Америке, в Африке и в Австралии. Они утверждали, что национальность не должна иметь никакого начала. Адвентизм, как и баптизм, имеет зачатки анархизма, т.к. они считали, что власть – это необходимое зло и перестанет существовать, когда люди проникнутся духом учения Христова. В общественном отношении адвентизм должен быть признан нездоровым явлением. Главный пункт их учения – скорое пришествие Иисуса Христа. Последствия такого учения особенно ярко выразились в тех местностях Южной России, где адвентизм получил некоторое распространение, крестьяне-адвентисты отказывались от общественных должностей и не хотели заниматься собственным хозяйством»²⁰.

По мнению православного пастыря, в экономически-бытовом отношении адвентисты также представляют «явление крайне безотрадное в среде простого народа, вносящее в народную жизнь некоторое разочарование, апатию, ослабление жизненной энергии и пренебрежение крестьянским трудом. В своем вероучении адвентизм делает открыто кощунственные выступления против православного вероучения. Так, критическое отношение к учению Православной церкви о бессмертии души приводило к нравственному развращению народа»²¹. Таким образом, с точки зрения Саратовского епископа Гермогена, адвентизм должен быть признан особенно вредной сектой с точки зрения политических, экономико-бытовых и религиозно-нравственных отношений.

Отношение власти к баптизму резко ухудшилось накануне и в годы Первой мировой войны. Нарастание напряженности между Германией и Россией положило начало процессам массовых арестов членов позднепротестантских общин по обвинению их в прогерманской пропаганде. Уже в 1910 г. Министерством внутренних дел были изданы новые правила по проведению баптистами (в документе – сектантами) богослужений, которые значительно ограничивали деятельность последних. По новому закону, например, требовалось от пасторов каждый раз заявлять о проведении своих собраний в местные органы полиции.

Начавшаяся Первая мировая война еще более осложнила положение религиозных организаций, относимых властями к сектантам. После объявления войны с Германией МВД стало трактовать общины баптистов, евангельских христиан и адвентистов седьмого дня как организации, руководимые из Германии и проникнутые настроениями антимилитаризма и германофильства. Поводом послужил тот факт, что среди представителей вышеназванных объединений встречались лица, отказывавшиеся от военной службы по религиозным мотивам, и некоторые из проповедников получили богословскую подготовку в Германии. В связи с подобными фактами деятельность многих общин была приостановлена. В июле 1916 г. МВД возбудило вопрос о привлечении к уголовной ответственности всех лиц, входящих в состав правления Российского Униона адвентистов седьмого дня; учредителей Всероссийского Союза евангельских христиан и Всероссийского Союза русских баптистов²².

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в конце XIX в. баптизм как религиозное течение был легализован, так как сформировался на основе протестантизма и представлял меньшую угрозу для Православной церкви, чем другие религиозные секты. Данные льготы распространялись только на последователей баптизма иностранного происхождения. В начале XX в. было узаконено существование адвентизма. В то же время, несмотря на официальное признание данных религиозных направлений протестантского характера, их права нередко нарушались и ограничивались, особенно в сфере образовательной деятельности. Отношение российского правительства к данным течениям ухудшилось накануне и в годы Первой мировой войны по причине обвинения баптистов в антироссийской

пропаганде и шпионаже в пользу Германии, что привело к еще большему ограничению прав последователей данных организаций.

Примечания

- ¹ См.: Анте К. Влияние губернских властей и евангелическо-лютеранского духовенства Курляндской губернии на формирование законодательства по отношению к баптистам Российской империи (вторая половина XIX века) // 105 лет легализации русского баптизма : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 5–7 апреля 2011 г.). М., 2011. С. 123.
- ² Амбарцумов И. В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 6.
- ³ Амбарцумов И. В. Русский штундизм, общество и власть в XIX – начале XX в. // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II : История Русской Православной Церкви. 2011. № 5(42). С. 32
- ⁴ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 2. Оп 1. № 8022. Л. 1.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 812. Л. 47.
- ⁶ Павлюк Г. Влияние губернской власти и православного духовенства Волынской губернии на формирование законодательства по отношению к баптистам Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) // 105 лет легализации русского баптизма : материалы междунар. науч.-практ. конф. С. 85.
- ⁷ Баптист. 1907. № 2. С. 14.
- ⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 812. Л. 47.
- ⁹ Русанов В. А. Адвентизм в мире, в России, в Саратовской губернии. Саратов, 2011. С. 40.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. № 10270. Л. 8.
- ¹¹ Там же. № 10454. Л. 29.
- ¹² Там же. Л. 30.
- ¹³ Там же. Л. 31.
- ¹⁴ Там же. Л. 32.
- ¹⁵ Там же. № 8968. Л. 134.
- ¹⁶ Там же. Л. 135.
- ¹⁷ Там же. Л. 136.
- ¹⁸ Там же. Л. 138.
- ¹⁹ Там же. Л. 137.
- ²⁰ Там же. Л. 54.
- ²¹ Там же.
- ²² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1410. Л. 48.

Образец для цитирования:

Руфин С. М. Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 104–108. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-104-108>

Cite this article as:

Rufin S. M. The Question of the Legal Status of Religious Sects of Baptists and Adventists in of the Russian Empire at the End of the 19th Century – the Beginning of the 20th Century (Based on Saratov's Province Sources). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 104–108 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-104-108>